

САМАЯ

ТРУДНАЯ РОЛЬ

С В. Гордеевым мы встретились в Большом театре.

Осунувшееся после трудной репетиции лицо, усталые глаза...

— Вячеслав, вы один из ведущих танцовщиков Большого театра, и, наверное, смешно спрашивать сейчас, любите ли вы балет. Но вот Г. С. Уланова в одном из выступлений призналась, что любила балет не сразу, потому что непросто полюбить то, что трудно. А как все складывалось у вас?

— У мамы было много идей насчет моего воспитания, и одну из них она осуществила — привела меня в балетный кружок. Занимался я, не отдавая в общем-то себе отчета, зачем я это делаю, — скорее, для удовольствия мамы, чем для себя. Но через какое-то время я вдруг с удивлением заметил, что мне уже нравится танцевать, показывать, что я умею, хотя уметь, конечно, мало. Позже, в хореографическом училище и в театре, я тоже не задумывался, люблю ли балет. Работал и работал, пока со мной не случилось несчастье. Во время концерта в Кремлевском Дворце съездов я, неудачно сделав движение, порвал сухожилие и кое-как добрался до кулис, вызвав неодобрительные высказывания зрителей — зазнаются, мол, артисты, бегут со сцены. Какое там бегут — я еле ковылял от боли. Врачи сказали, что вряд ли вообще буду танцевать. Вот тогда я и почувствовал, что балет для меня — самое главное. Ну и, как видите, опять танцую.

— Актерская судьба — всегда ожидание. Долго ли вы ждали своей первой ответственной партии? Чем она вам запомнилась?

— Для меня ответственной стала совсем небольшая партия Арлекина в «Щелкунчике», ее я получил в конце первого года работы в кордебалете.

На спектакле, наверное, от волнения, меня все время «сносило» влево, хотя танцевать я должен был точно в середине сцены. Позже Ю. Григорович, похвалив меня, заметил, что еще несколько прыжков — и я оказался бы в директорской ложе.

В следующем году я неожиданно для себя станцевал целый акт в «Пламени Парижа» Б. Асафьева. Все исполнители партии Филиппа заболели (в театре и так бывает), и «премьерскую» роль доверили мне. Самую трудную часть партии — па-де-де — я танцевал еще в училище и помнил порядок движений. С нескольких репетиций я вошел в спектакль...

И хотя потом были и Спартак, и Икар, и Альберт в «Жизели», и Фархад в «Легенде о любви», те первые партии запомнились волнением и надеждами: примут ли меня зрители и товарищи в качестве солиста?

— Какая роль была для вас самой трудной?

— Как вам сказать? Все, наверное. Бывают роли, трудные эмоционально — Икар, Спартак. Есть физически трудные для исполнителя — Альберт в «Жизели». Вот если очень хорошо, с полной отдачей танцевать в этом балете второй акт, — я совершенно выжат после него. Все движения здесь требуют особой точности — и закрываться после прыжка нужно чисто, в пятую позицию, и четкость заносок необходима — этот балет, как никакой дру-

гой, требует отточенности танцевальной техники, и, если хоть одно движение сделать небрежно, зрители сразу заметят «грязь». И при этом нужно, не переигрывая, сдержанно, но убедительно показывать чувства, которые владеют Альбертом, — его раскаяние, тоску по утраченной любви. Словом, наполнить балетный образ глубоким внутренним содержанием. И прибавьте еще мое волнение — сумею ли убедить зрителей в искренности героя, заставить их поверить в правду сценического поведения моего Альберта.

— За десять лет вы перетанцевали почти весь балетный репертуар Большого театра. Удовлетворены ли тем, что сделали за эти годы в театре?

— Нет. И не потому, что мне все время нужно было доказывать, что я что-то могу. В общем-то каждому творческому человеку приходится это делать. Хочется танцевать что-то, поставленное с учетом моих возможностей. Ведь танцуя только привычные партии, не всегда уверенно чувствуешь себя в современных постановках. Репетируя однажды номер с Мишелем Ван Хуком, помощником Мориса Бежара, я, к своему стыду, понял, что плохо владею корпусом, пластикой для этого номера с непривычной хореографией.

— Есть ли такой балет, который не идет в Большом театре, но вам хотелось бы станцевать его?

— Много лет мы с Надей Павловой мечтали станцевать «Сильфиду» в Ленинграде. Нравятся мне и некоторые балеты Май Мурдмаа. Нам было бы интересно танцевать в них.

— Вы учитесь на четвертом курсе факультета журналистики МГУ. Чем привлекла вас профессия журналиста?

— Я хочу писать о балете. Советский балет признан лучшим в мире, но у нас все-таки о нем пишут мало. Балет стал для нас привычным, а то, что становится привычным, мало замечают. Нет даже специального балетного журнала, хотя необходимость в нем давно назрела.

— Пожалуйста, несколько слов о вашей «Терпсихоре» — Наде Павловой.

— Надя — очень впечатлительный человек. И жизненные события, и сценические образы она воспринимает как-то по-своему, очень лично. Когда мы работаем с ней, мне иногда бывает трудно понять, что же она хочет. Я не соглашаюсь, мы спорим. Но позже я начинаю понимать ее правоту. Партнерство — это не только идеальная физическая отрететированность, которая с репетицией кончается. Партнеры, я убежден, должны обладать и одинаковым духовным, интеллектуальным уровнем, должны понимать друг друга. Наша совместная с Надей работа над ролью продолжается постоянно.

Репетируя с Надей, я соприкоснулся с удивительным человеком — Мариной Тимофеевной Семеновой, балетмейстером - репетитором Нади в театре. Когда она показывает, перестаешь замечать все вокруг, настолько это прекрасно. Работая с Мариной Тимофеевной, я легче понимаю Надю, которая стремится взять у Семеновой все лучшее.

Вела беседу
Г. ГОГОТИШВИЛИ.